

Александр Зорин. **ЭТО Ж ТАКАЯ ГЛЫБА...** *Что изменилось в России (или там, где она была)?*

Глядя на сегодняшнюю мясорубку митингующих в Москве, вблизи памятников Достоевскому и Пушкину, невольно думаешь, что классическая литература не способна предотвратить подобные побоища.

«Тебе, что, сука, плохо живётся», - приговаривает «космонавт», молотя дубиной лежащего на асфальте юношу. «Креста на вас нет», - стыдит истязателя пожилая женщина. «Иди домой, мать! Пока тебя шокером не пробуравили», - огрызается пришелец.

А действительно, есть ли на них крест?.. А почему бы нет? Они молодые. В перестройку, небось, матери всех покрестили... И Достоевского с Пушкиным они проходили в школе...

Однажды, когда началась перестройка, кто-то спросил о. Александра Меня, получится ли что-нибудь путное, изменится ли государственный строй. Он ответил кратко: «Ну, это ж такая глыба...».

Да, глыба, в которой мы, задавленные, обитали. И, похоже, никакие погодные условия (процессы выветривания) за тридцать лет на глыбу не подействовали. Вот несколько иллюстраций из моей записной книжки 80-х годов.

Старый Оскол

Принятый в Союз писателей, я имел возможность подрабатывать в Бюро пропаганды этой организации. То есть получать командировки с чтением своих стихотворений. Чаще в московские учреждения – школы, библиотеки, НИИ. А иногда и в другие города, откуда приходили запросы “на писателей”. На этот раз выпала командировка в Белгородскую область. В Старом Осколе среди местных белгородских писателей я из Москвы оказался один.

Птицефабрика. Куры по три в клетке. Клетка, как для канарейки. Курицы впритык, одна к одной. Трутся о железные прутья, когда высовываются к корму. Шеи и грудки без перьев, ободраны до мяса. Эти куры несушки. Несут яйца без завязи. Такая курица-несушка была у протопопа Аввакума в узах. Несла ему по яичку в день.

Директор. Золотые зубы. Сидит в шляпе и пальто в огромном кабинете. К оконной раме прикреплён портрет Ленина. Рассказывает. “Мы ежедневно отправляем тысячи яиц на фабрику в город N за тысячу километров. Там делают яичный порошок для армии. Сдаём по 50-60 копеек десяток. А из этого же города к нам привозят яйца на расплод. Примерно такое же количество. Глупость? Глупость. И все это понимают. Надо бы сделать перерасчёт и тамошние яйца оставались бы там, а мы плодились бы своими. Но операция на перерасчёт не запланирована. Кто её будет осуществлять, на какие средства? В результате мы за долгую дорогу бьём немалый процент продукции. Мы бьёмся только в дороге. И тратим средства на транспорт. Дальше. Пропадает птичий помёт. Наши огороды и садовые участки им обеспечены по горло. Девать некуда. Есть фабричка, которая его сушит, консервирует, но – с такой массой сырья не справляется”.

- Ну и как же пропадает?

- Пропадает. Вымывается дождями, весенними водами. Просто вывозим на свалку.

Я прошёлся по курятнику. Куры чувствительны к незнакомому человеку, к новой одежде. Я не хотел их тревожить и скоро вернулся. Было жутко видеть, как они бьются при моём приближении. В этом решетчатом напёрстке. Испуг вызывает у них стрессовое состояние, и они, временно, снижают яйценоскость.

Второе выступление у нас было на АРМ (авторемонтная мастерская). Бледные, чумазные, иступлённые лица. Один паренёк задавал смелые вопросы. «А есть такой журнал Метрополь. Сколько вышло номеров? Как он выходит – официально или нет? Кто в нём печатается?» Коллеги мои белгородские молчали, отвечал я один – честно и подробно. «А за что

закрыли в 46 году журнал «Звезду?» - показал он свою осведомлённость, видя, что никто ему рта не затыкает. «Не закрыли, а вынесли строгое «постановление»», - уточнил я.

Атмосфера у нас получалась доверительная, неформальная.

Встал совершенно измученный человек – плешивый, заметно согнутый. Но в лице светилось что-то человеческое. Поведал о том, что он сконструировал машину, которая сеет картофель, свёклу, морковь таким способом, что после неё не надо пропалывать грядки. Каково на июньском солнце гнуть спину и жарить голову, людям облегчение. В 60-х годах эту машину опробовали на ВДНХ, дали ему премию, грамоту, показали по телевизору. И на этом его рацпредложение заглохло. Он стал возмущаться: почему не вводят машину в производство, не дают серийного выпуска?! На него сначала цыкнули, потом отмахнулись, а видя его настойчивость, посадили в психбольницу. «Я к вам как к писателям обращаюсь, где же правда?»

Город Губкин

Выступление на свиноводческой ферме, точнее комплексе, потому что в комплексе ферм много. Полтора часа ждём в парткоме. Секретарь парткома, с ленинским значком на груди, рассказывает. «Перебоя в комбикормах нет. Вот вентиляторы летят. Допущенная ошибка в проекте. Короткие вытяжные трубы. Плохо тянут. Надо надстраивать по 2 метра каждую. А это 25 км надстройки. Где ж деньги взять!»

Наконец директор комплекса – крепкомордый дюжий мужик – посадил нас в ГАЗик и повёз в Дом культуры. По пути загребая всех, кто попадался на дороге. «На концерт!» «Люба, - кричит из окошка, - давай скорей в ДК, бегом!» «Василий, – открывает дверцу (Василий долговязый гусь в милицейской форме), – в ДК концерт будет. Писатели приехали». «Николай Васильевич, - снова открывает дверцу, – хочешь концерт послушать, приходи в ДК!» «Щас, только сбегаяю на ферму, предупредю», - отзывается Николай Васильевич. Таким образом насобирали в библиотеку человек двадцать.

После выступления поехали на природу, в лесок. Поют соловьи, цветёт медуница, голубые подснежники. На капот ГАЗика постелили чехол от матраца, расставили закуску, бутылки. Порожние – через плечо, не глядя, в кусты. Это проделывал Геннадий Иванович - румяный, круглолицый молодой человек. Он окончил сельскохозяйственный институт, но работал на комсомоле. Вторым секретарём горкома в Воронеже. Сейчас прислуживает директору свиноводческого совхоза в должности заместителя по идеологии. Именно прислуживает. «Гена, - приказывает директор, - шашлык, быстро!» И Гена шустрит дровишки,

режет мясо, откупоривает бутылки. «Гена, закурить!» Гена достаёт из портфеля сигареты, которые курит директор.

Завязывается разговор. Который невольно сводится к духовным проблемам. Я, недавно крещённый неофит, пытаюсь подо всё подвести базу. Под этот всероссийский бардак – глобальную истинную причину. Конечно же попытка неуместна в этой компании. Её не разделяют ни директор свиноводческого совхоза, ни Ирина, зав. общества «Знание», вожак воинствующего атеизма, ни этот холуй с высшим образованием. Доводы мои вызывают реакцию. «А вы сами верите в Бога?» - спрашивает замдиректора по идеологии, и на мой утвердительный ответ, многозначительно откликается: «А-а-а...». И отошёл от меня, как от зачумлённого на другую сторону костра. Для того, чтобы ему было посвободней стоять, он стал ломать ветки орешника... Я пожалел несчастный орешник и предложил отойти всем чуть в сторону. «Ничего, ещё вырастут», - распорядился Гена.

Жрали они, как жрут свиньи, которых они выращивают. Яичная скорлупа, бумага, пустые бутылки – всё по сторонам, под ноги. Я, было, принялся собирать в пакет, увещевая... Они успокаивают: «Завтра бутылочники заберут...».

Дубовый лес вокруг наполовину сухой. После того, как начались вскрышные работы КМА (Курская магнитная аномалия), лес стал гибнуть. Карьеры перерезали водоносные слои и тысячи гектаров земли усохли, обезвожены. Мёртвый лес. А под Белгородом вода вдруг поднялась. Погреба во всём пригороде заливаются под потолок, а то и прихватывают первые этажи. Никакие насосы не справляются с беспрестанным напором воды. Следствие безграмотного промышленного хозяйства. Затопило и соседние области - Харьковскую, Курскую. Там вода пожелтела, «невозможно пить, - жалуются люди, - только сапоги мыть, бельё не постираешь».

Это всё под водочку и под закуску выкладывает нам директор совхоза. «Стали вдруг лошади пропадать. Конокрады не цыгане, а мальчишки 14-16-летние. Отобьют замки в конюшне, или свяжут сторожа, взнуздают лошадь и – с концами. Сельсовет обращается в суд. А там отвечают: ищите сами, ваше имущество. Ищут. Иногда находят. Останки. Прикрученные цепями к дереву. А то загонят животное до смерти, пока оно не рухнет. Наизмываются над полумёртвым и беспомощным и тоже бросят. А то моду взяли поджигать живьём. Обольют бензином... И живой факел рвётся и стонет, и ржёт, ржёт... Уголовное наказание для детей за такую провинность не предусмотрено».

Вставляет слово и секретарь парткома. «Ко дню Победы заказали в типографии открытки с солдатом. Открытку и 10 рублей в конверт. У нас в хозяйстве 134 ветерана, это 1340 рублей. На большее не тянем. Берём

деньги в долг у государства, и не отдаём. В пятилетку до 50 миллионов. Сплошные кредиты – долгосрочные, бессрочные. По поголовью крупного рогатого скота мы не вышли на уровень 1913 года”.

И многое ещё чего порассказали товарищи...

На берегу Генисаретского озера, неподалёку от раскопок Капернаума (Его города), громоздятся огромные валуны, которые видели и слышали Иисуса Христа. За тысячи лет ни трещинки на их округлых боках. Шершавые мшистые громадины ледникового происхождения...